

ния хромых, слепых и горбатых фигурировали почти в каждом житии святых,⁸² эти чудеса заимствовались из Евангелия,⁸³ и в этом отношении чудеса у гроба Петра не составляют исключения.

Настоящим «творцом» «исцелений» являлся Иван Калита, принимавший непосредственное участие в составлении описания чудес и отсылке его на Владимирский собор. Видимо, Калита был заинтересован в том, чтобы на Владимирском соборе провести канонизацию Петра. Любопытная деталь «Сказания» позволяет подкрепить это наблюдение. «Сказание» сообщает, что после выступления Прохора некий «иноверец», присутствовавший на соборе, стал «глаголать» о явлении ему Петра во время похорон. Будто бы Петр сидел на своем гробу и благословлял «носящая одр и благоверного князя Ивана, и весь род его, и вся христианы». Чудо случилось в Москве, но почему-то впервые стало известно на Владимирском соборе — обстоятельство весьма загадочное. Рассказ неизвестного заставил удивиться (по словам автора «Сказания») даже великого князя Александра Тверского. Очевидно, именно на это он и был рассчитан. Рассказ усиливал впечатление после «Чтения» Прохора. Бросается в глаза явно промосковская окраска чуда, прославляющего, по сути дела, Ивана Калиту. Напрашивается мысль, что это выступление «иноверца» на Владимирском соборе (если оно и имело место) было инспирировано московским князем так же, как им были организованы чудеса у гроба Петра, как было подготовлено выступление ростовского епископа Прохора на соборе.

Очевидно, Калита хотел во что бы то ни стало добиться канонизации Петра на Владимирском соборе. Делалось это вовсе не из каких-нибудь благочестивых соображений — история с чудесами показывает, как далек был московский князь от этого; канонизация Петра и прославление самого Ивана во Владимире в присутствии великого князя Александра Тверского преследовали политические цели. На глазах тверского князя подымался авторитет его соперницы Москвы, святым делался митрополит, при жизни известный своими промосковскими симпатиями и имевший ряд резких столкновений с тверскими князьями.

Однако не только этого добивался Калита. Его расчеты шли дальше. Канонизацией Петра бог, по словам «Сказания», «просвети землю Суздальскую и град, зовомый Москву».⁸⁴ «Просвещалась» не вся Русь, а только ярославо-ростово-суздальские князья — союзники Москвы. Фраза «Сказания» свидетельствует о том, что союз Москвы с Суздальской землей, о котором говорилось выше, действовал не только до и после, но и в 1327 г. Объявление Петра святым, по мысли московского князя, должно было подвести идейную базу под этот союз. Твери противостояла не одна Москва — для этого она была недостаточно сильна, — а целый союз княжеств.

Видимо, с этим союзом Александру Тверскому пришлось столкнуться уже на Владимирском соборе, и пока что мирная проба сил закончилась не в его пользу: Петр был объявлен святым. При этом весьма характерно, что Москва и ее союзники еще не противопоставляют себя резко Твери. «Чтение» епископа Прохора, довольно яркое по содержанию, осуждающее различные пороки, правда пороки «вечные» с церковной точки зрения, могло быть понято современниками как осуждение порядков на Руси как

⁸² Ср.: С. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба У Києві, 1928, стр. 15, 69, 134.

⁸³ Евангелие от Матф., XI, 5

⁸⁴ ГБЛ, ф. 98, № 637, л. 451 об., Макарий История русской церкви, т. IV, стр. 312.